

Владислав Владимиров

«НЕ КАЖДЫЙ ТАК МОЖЕТ!»

К 100-летию Л. Д. Кривошекова

Спросите у любого казахстанского литератора – казахского, уйгурского, корейского, немецкого, курдского, греческого, ну а про братьев-славян я уж не говорю, – и каждый из наших «инженеров человеческих душ», будь он молод или почтенен годами, непременно скажет о Леониде Даниловиче Кривошекове только доброе.

Даже если по каким-либо причинам не доводилось видеться с ним самолично.

Увы, теперь его уже нет среди нас – мы это знаем. Это неопровержимо. Но тем не менее в это никак не хочется верить. Быть может, ещё и потому, что не все же мы, как он, встречались с создателем бессмертного «Василия Теркина» Александром Трифоновичем Твардовским, создателем гениальной эпопеи об Абае Мухтаром Омархановичем Ауэзовым или с Великим Гражданином (так по справедливости его назвал наш первый президент), истинно народным писателем Дмитрием Федоровичем Снегиным, с творцом благословленных самим Горьким романов Иваном Петровичем Шуховым, с богом всех бардов Булатом Шалвовичем Окуджавой, утонченным мастером лингвистики и поэтического слова, дипломатом от Бога Олжасом Омаровичем Сулейменовым или с удивительным мастером языковой полифонии, художественного перевода и самобытной прозы, многоязычным Герольдом Карловичем Бельгером... Да мало ли кого из истинно немеркнущих звезд подлинной российско-казахстанской духовности тут можно назвать!

Для Кривошекова многие из них на всю земную жизнь стали верными единомышленниками. Самыми близкими людьми, несмотря ни на какие костоломные выверты века-волкодава – двадцатого...

* * *

Пробовать свои силы в творчестве он стал уже смолоду. В стихах и в новеллистике. И не только. Еще до Большой Войны написал громадную пьесу. Но 22 июня 1941 года властно двинуло всю его жизнь по жестким законам другой драматургии.

Причем далеко не всегда справедливым.

В том же 1941-м в великой битве под Москвой его тяжело ранило. Сумел вернуться в строй. Воевал вновь. На Воронежском фронте. Затем на Первом Украинском. Потом на Первом Белорусском... Боевой путь закончил в городе Бреслау 7 мая 1945 года.

Где бы ни был – повсюду армейские газеты выходили не только на русском. Их печатали на казахском, узбекском, татарском, молдавском и других языках. Но был еще один язык – всеобъемлющий и самый для всех фронтовиков близкий и родной. Язык ратного братства.

Вот он-то и объединил, сделал неразлучными по душе и сердцу сподвижников Леонида Даниловича Кривошекова по самой страшной войне, возрастом постарше и ровесников, – Бауыржана Момышулы и Дмитрия Снегина, Сергея Баруздина и Абдижамила Нурпеисова, Сергея Орлова и Константина Симонова, Джубана Мулдагалиева и Константина Ваншенкина, Ади Шарипова и Азайльхана Нуршаихова, Есета Аукебаева и Александра Сергеева...

Потрясающий своим психологизмом рассказ Юлии Владимировны Друниной «Идут по войне девочки» посвящен Леониду Даниловичу – в Великую Отечественную одно время она воевала под началом Кривошекова.

* * *

Не скажу, что в казахстанской поэзии или еще где существует некая «школа Кривошекова», хотя имя его по праву нынче в самых авторитетных литературно-академических изданиях. Но то, что у него давно есть не ученики в поверхностно-школярском значении этого слова, а выученики и последователи, – это бесспорно. Причем в смысле самой ответственной приверженности к художественному творчеству.

Спросят: кто такие? Охотно назову.

Это – Олжас Сулейменов и Валерий Антонов. Саин Муратбеков и Марфуга Айтхожина. Владимир Гундарев и Ростислав Петров. Это Владимир Ермаченков и Александр Матвеев. Ольга Шиленко и Любовь Шашкова. Надежда Чернова и Константин Гайворонский...

А ведь всего каких-то полвека (!) назад и чуть больше его тоже учили уму-разуму. Вот и в «Литературной газете» от 24 декабря 1953 года некоронованный король советского Парнаса, творец «Гренады» и «Каховки» Михаил Аркадьевич Светлов (Ленинскую премию ему пожаловали, увы, посмертно) в статье «Разговор с молодым поэтом» (которому в аккурат исполнился тогда 31 год) монологически поговорил с Кривошековым – да так, что у любого другого именинника навсегда пропало бы всякое желание приближаться к Парнасу даже на расстояние пушечного выстрела.

У Кривошекова – не пропало.

Напротив!

Позже Светлов приходил с покаянием, но в бурном декабре 1953 года (тогда вместе со всей Москвой и страной гудел и Литинститут: с утра 24 декабря голосом Юрия Левитана Московское радио оповестило планету о расстреле «врага Коммунистической партии и советского народа» Лаврентия Берии и шестерых его «коварных сообщников») Кривошеков поверил вовсе не общепризнанному мэтру, а – Твардовскому, по чьей личной рекомендации молодой офицер-фронтовик был принят в Литературный институт имени Горького в Москве.

Литинститутскую практику он проходил в журнале «Новый мир».

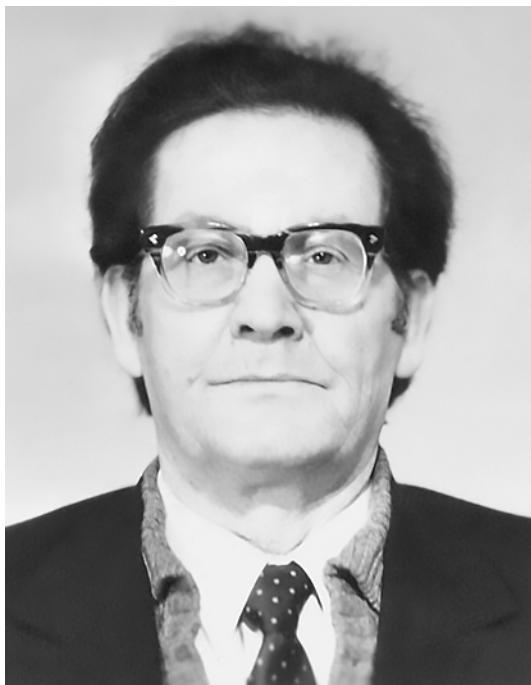
На его стихах Твардовский одобрительно начертал: «Не каждый ТАК может!»

Вслед за Твардовским и Светловым поэзию, публицистику, прозу Кривошекова в Белокаменной замечали потом и многие другие – нередко со строго дозиро-

ванной ободрительностью и одобрительностью. Будто боялись завесить оценку. Своего рода оглядка «на княгиню Марью Алексеевну».

Дома же, в Казахстане, литературная критика охотно повторяла названия его книг, стихотворений, рассказов: «С открытым сердцем», «Взаимость», «Мне выпал жребий быть живым», «Долгая память войны», «Часы разведчика», «Сотворение мира», «Не ходи никуда без сердца своего»...

Однако на нечто большее у местечковых белинских и писаревых то ли не хватало воображения, то ли умения (желания) душевно вжиться в совершенно неординарный авторский материал. Из всех его ценителей, пожалуй, лишь один Павел Петрович Косенко диагностировал справедливо, без конъюнктурных подстраховок: у Леонида Кривощекова в его творчестве – *свое лицо* («Казахстанская правда», 1958, 9 января).

К тому времени всю объемную программу Литинститута позавчерашний лейтенант Кривощеков уже давно успешно усвоил. Престижный диплом не даровал таланта (его, помноженного на огромное трудолюбие, без того всегда было немало), но литературный вуз приобщил к прочным знаниям и познаниям. В его стенах внимали многим людям достойным и по справедливости требовательным. Любое дилетантство, верхоглядство, чистоплюйство они попросту презирали.

Например, по теории стиха XVIII–XIX веков занятия вел знаменитый и поныне никем не превзойденный во многих литературоведческих сферах исследователь творчества Пушкина Сергей Михайлович Бонди. А лекции по истории философии, теории и истории логики, эстетики, литературоведения читал профессор Валентин Фердинандович Асмус. О, это были истинные корифеи! Осрамиться перед ними в беседах, на семинарах означало покрыть себя тяжким позором.

Такого с Кривощековым никогда не случалось.

* * *

Светловское «объятие» в «Литературке» для него сыграло роль своего рода комендантского шлагбаума. Дорога на ее страницы была перекрыта. Напрасно спустя приличный срок собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану, будущий коллега Кривошекова по секретарству в Союзе писателей республики, отважный панфиловец, бессменный депутат Дмитрий Федорович Снегин пытался пробить свою позитивную статью о поэзии Кривошекова в «ЛГ».

Ничего не вышло.

Там тоже хорошо помнили о педагогических внушениях Светлова. Под благовидным предлогом «забодали» и статью Снегина.

Работая над книгой о Снегине, столь примечательный материал и переписку по этому материалу я обнаружил в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК, ф. 1965, оп. 1, д. 275) как еще одно доказательство, сколь многоликой может быть извечная досада по чужому благу – так Даль с Пушкиным называли людскую зависть.

Вот этого-то всепожирающего чувства, увы, распространенного и среди творцов нетленных духовных ценностей, Леонид Данилович всегда был лишен начисто. Возможно, в силу своего первого призвания – медицинского, изначально вызывающего к состраданию и милосердию, пониманию и чуткости.

Со временем и «Литературная газета» откроет перед ним двери. И молодежный журнал «Смена». И знаменитый «Новый мир». И журнал «Москва», другие издания. К слову, на самого Светлова Леонид Данилович зла тоже никогда не держал. Любил всё им написанное.

* * *

И тогда, и потом свой первый долг перед фронтовыми побратимами и всей Родиной Кривошеков видел в том, чтобы не дать умереть памяти о самом страшном испытании XX столетия, дьявольски ниспосланном Провидением всему человечеству. Верность великому фронтовому братству сохранил навек. Но оно, увы, как и все на белом свете, не вечно.

Все реже цепь однополчан,
 Как на полях былых сражений.
 Вот Липецк глухо замолчал.
 А там ведь Старовойтов Женя...
 Он полковым связистом был.
 И потому мне так тревожно:
 Живой бы Женя не забыл,
 Что жить без связи невозможно.

Кончина национального героя казахского народа, великого воина и писателя Бауыржана Момышулы тоже потрясла чуткую душу Кривошекова до самого донышка и возвала к попоранной справедливости:

Так и не дали ему генерала.
 И Героя пока не дали...
 А то, что дали –

Ордена и медали, –
 Мало!
 Заслуг его не покрывало...
 Характер прямой и сильный.
 Всегда начальству перечит.
 Но в благородном сердце России
 Как образ казаха-воина,
 Мужественный и красивый,
 Он занял место достойное.
 И будет жить в нем вечно.
 («У гроба Баурджана Момыш-улы»)

Да, память о великом фронтовом братстве нетленна, если воплощена она в сильных строках, не только стихотворных. И вот Кривошеков создает (не вдруг и не сразу) масштабный роман на четверть тысячи правдивейших страниц – «Война уходит на Запад».

На писательском пленуме к 30-летию Великой Победы (1975) Дмитрий Федорович Снегин особо выделил этот прекрасный, исполненный подлинного психологизма роман «о солдатской дружбе, о том, как постигает суровую правду войны, как мужает в ней молодой офицер Максимов» (ЦГА РК, ф. 1965, оп. 2, д. 235, л. 8).

А следом, в творческом содружестве с основательным знатоком истории Михаилом Георгиевичем Митько (я хорошо знал его по совместной журналистской работе в старейшей русскоязычной газете Казахстана «Огни Алатау»), преодолев все трудности, Кривошеков издал историко-революционный роман «Огненное кольцо» – о реальных героях (и антигероях) Черкасской обороны в Казахском Семиречье против ошалевшего от собственных бесчинств белого воинства «черного атамана» Анненкова.

Какой тут невообразимый гвалт подняли лжеочевидцы этой воистину легендарной эпопеи! Обоих авторов они были готовы живьем сжечь на костре. Лишь вмешательство отдела культуры ЦК (его заведующего Михаила Ивановича Исиналиева, завсектором художественной литературы Абильмажина Жумабаева), а потом уже и самого Димаша Ахмедовича Кунаева предотвратили, казалось, неминуемую расправу.

Разумеется, нелегко было в такой обстановке. Но Кривошеков не пасовал, надеясь на то, что и в темных душах его разномастных завистников, возможно, наступит желанное просветление. В конце концов и тут в своих надеждах (иногда оправданных!) он не был одинок.

Никому не отдавал Кривошекова «на съедение» и сменивший Снегина на посту главного редактора журнала «Простор» Иван Петрович Шухов. Даже если и случались промеж ними всяческие житейские завихрения. Всегда прочным было дружество Кривошекова с Сабитом Мукановым, Габитом Мусреповым, Зейнуллою Кабдоловым, Куандыком Шангитбаевым... Со всеми, кто сверял и сверяет свое творчество с правотой давнего народного постулата: «Жаксы сөз – жан азығы» – «Доброе слово – благо души».

И сам Леонид Данилович (хорошо знаю это по себе) вместе с Сергеем Баруздиным, Дмитрием Снегиным, Олжасом Сулейменовым, Саином Муратбековым,

Евгенией Лизуновой, Герольдом Бельгером, рискуя многим, вовремя приходил на помощь тем, кого в годы оные по всяческим наветам брали в оборот «духовные» инквизиторы.

* * *

По году рождения, 1922-му, Кривошеков, естественно, не ровесник XX веку. Но он стал свидетелем и участником большинства его событий. Да еще и каких! Отмеченных для него не только высокими государственными наградами, но и огромными шрамами на сердце.

Он, пожалуй, единственный в Семиречье, Казахстане, возможно, во всем Содружестве был *трижды* кавалером боевого ордена Красной Звезды. Есть боевые медали, ордена «Парасат» и Знак Почета...

Была бы еще и Золотая Звезда. Да вот по штабному недоразумению представление к ней обернулось еще одним орденом Звезды – Красной. Тогда как все остальные – трое вместе с ним заранее назначенных ребят из его же десантной лодки – за успешную операцию по захвату стратегического плацдарма для наступавшей армии при форсировании Днепра стали Героями Советского Союза. Это я вызнал из данных архива, а сам Леонид Данилович не вещий Баян, чтоб славить на своих поэтических гусях собственные подвиги.

* * *

Вообще-то могут (и вправде) спросить: ну а какими изъятиями и недостатками отмечены у Кривошекова его поэзия, художественная проза, публицистика и сам он? Отвечу коротко: да, есть и таковые. Но, право, хотелось бы знать – кто у нас свободен от них? Однако у Леонида Даниловича (и в том его нравственное отличие от многих) почти любой из его недостатков лично мне видится продолжением его же достоинств.

Главный из таких недостатков – чересчур большая, более того – феноменальная скромность. В разумных масштабах – это великая штука. Но для человека с истинным дарованием и талантом излишняя скромность – это езда в неизвестность. На такой точке зрения не настаиваю. Но сошлюсь на маршала авиации дважды Героя Советского Союза Евгения Яковлевича Савицкого (того самого отца и наставника той самой Светланы Савицкой, чемпионки и рекордсменки мира по самолетному и парашютному спорту, а за космос – Героя Советского Союза) – это его тезис, и я тому свидетель.

* * *

...Есть устойчивое мнение: дареное – не дарят.

Нет, дарят.

В свое время Димаш Ахмедович Кунаев презентовал мне (дело было в декабре 1973 года в делийской резиденции Индиры Ганди) изящный мундштук из слоновьей кости с дивной тонкой резьбой, сопроводив подарок в своей излюбленной усмешливой манере: «Вот ты все куришь. Хозяин – барин: хочет – собаку покупает, а хочет – сам лает. Кури, кури... Но по всем другим позициям тоже не забывай... А я завязываю. Болды! По-казахски, значит, хватит... Возьми. А вот когда сам завяжешь, то отдай самому достойному из курильщиков. Потом мне скажешь – кому. Добро?»

«Добро», – ответил я.

И вот, почти тридцать лет спустя, в канун 80-летия Кривошекова это пожелание было выполнено, и наш Данилыч с нескрываемым, я сказал бы, фронтовым удовольствием выкурил из этого самого, считай, исторического мундштука свою первую юбилейную сигарету... Оно и сейчас ясно стоит у меня перед глазами – его доброе, чисто русское лицо, на котором я никогда за все годы благодарного дружества с ним не видел печати упоенного самодовольства, явной или тайной озлобленности.

А для меня самым дорогим подарком от него на все дни осталась надпись четким, красивым почерком (недаром же говорят: почерк – тоже характер) на титуле его же стихотворного сборника – подумать только! – уже почти полувековой давности: «Славе Владимирову. Люби, Слава, Поэзию, ибо те, кто ее любит, – хорошие люди. Леонид Кривошеков»

* * *

Опять перечитываю его стихотворение «Две Родины»:

...Забывать ли стал я в Казахстане
Северную дедовскую Русь?
Или сердце тосковать устало?
Я судить об этом не берусь.
Я боюсь
Себе признаться честно,
Что к другой земле
Прирос навек...
Я, конечно, болен ностальгией.
Но не столько болен, сколько жив!
Жив тоской безмерной по России,
По березам солнечным, по ржи...
Но и эту Родину, другую,
Мне уже вовек не разлюбить.
И не променять ни на какую,
Даже на Россию, может быть...

Перечитываю.

Знаю наизусть.

И мысленно снова и снова вижу знакомую судьбоносную и преславную строку из Александра Трифоновича Твардовского: «Не каждый ТАК может!»

